

ПОМЕТЫ БЛОКА НА КНИГАХ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.

Статья О. В. Миллер

«Пересмотрите также после меня и мои книги. Они интересные, на некоторых надписи»

(Дневник Блока, VII, 63)

Личная библиотека Александра Блока, его книги, любовно собиравшиеся им в течение всей его жизни, — одно из ценнейших мемориальных книжных собраний — бережно сохраняется в Ленинграде в библиотеке Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

Книга занимала особое место в жизни Блока. Его любовь к книге не была обычной библиофильской страстью, а чем-то гораздо большим. Это можно почувствовать, читая дневник, письма, записные книжки поэта.

Останавливают внимание в письме Блока к матери слова: «Хочу к книгам» (VIII, 88). Это написано перед отъездом из Москвы, где он устал от литературных встреч и новых знакомств. Знаменательно, что в его дневнике сохранилась и приведенная выше запись завещательного характера.

Благоговейным отношением к книге Блок проникся еще в детстве, в семье, где, по словам К. И. Чуковского, «жили книгами, молились на книги, от этой наследственной семейной культуры он не отрывался до последнего дня»¹.

Свою библиотеку Блок собирал тщательно и продуманно. Им была собрана богатейшая коллекция издательских и антикварных каталогов. Посещение букинистических магазинов было, видимо, одним из любимейших занятий. Упоминания о них, а также о наиболее удачных приобретениях находим в его дневнике среди записей, относящихся даже к самым тяжелым дням его жизни. На книге вместе с владельческой надписью нередко выставлялась и дата приобретения, а в каталоге часто помечалось, где и при каких обстоятельствах куплена или получена книга.

М. А. Бекетова, вспоминая о страстной любви Блока к книгам, отмечала образцовый порядок, в котором они содержались, хорошие переплеты и книжные шкафы. Но Блок заботился не только о внешнем порядке и сохранности своих книг. Он также составил их карточный каталог. Окончание работы над ним отмечено в дневнике поэта 18 января 1921 г. Этот каталог хранится в фонде Блока в рукописном отделе Института русской литературы, но, к сожалению, есть основания полагать, что расположение карточек в нем впоследствии было изменено. Поэтому неизвестно, в каком порядке расставил их он сам.

В дополнение к карточному каталогу книги были записаны в алфавитном порядке в тетрадь типа телефонной книги в черном переплете². Этот «Азбучный указатель» был составлен в 1916 г., а затем дополнялся, исправлялся. Здесь запись книги нередко также сопровождалась пометкой, от кого она получена или когда куплена, куда передана и т. п. Последняя датированная запись такого характера относится к июню 1921 г., т. е. сделана за два месяца до смерти.

Книги из личной библиотеки Блока имеют для нас не только мемориальное значение. Особую ценность им придают многочисленные пометы, оставленные поэтом на их страницах. Читая текст, Блок как бы разговаривал с автором, соглашался или спорил, возмущался, принимал к сведению или иронизировал. Часто встречаются надписи типа: «важно», «очень важно» или просто «да», «увы, нет».

Прочитав в «Истории русской литературы» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, что в 70-е годы для «Отечественных записок» при всем разнообразии и яркости литературных индивидуальностей участников характерно общее единство мысли и направления журнала, Блок написал на полях: «Это странно, но кажется верно. Такая эпоха»³.

Нередко и нетекстовые пометы (отчеркивания, подчеркивания, «NB», вопросительные и восклицательные знаки) достаточно определенно дают почувствовать отношение поэта к прочитанному тексту.

Иногда же надписи Блока настолько значительны, что представляют большой интерес и безотносительно к тексту, откликом на который они явились.

Так, прочитав в журнале «Весь» в статье Эллиса (Кобылинского) о «созерцании красоты божественной, которой недостойн мир», об огне, который «передается от посвященных — посвященным» и пр.⁴, Блок решительно возразил: «время посв<ященных> и непосв<ященных> прошло. Писатели, чуть образуют касту посвященных (обряды, тактики, замалчивания), становятся неискренними, фальшивыми, а через некот<орое> время выдыхаются».

Маргиналии поэта часто позволяют существенно уточнить и расширить наше понимание литературных взглядов Блока, автотрактовку его произведений. Например, П. С. Коган в книге «Пролог. Мысли о литературе и жизни» так сформулировал две основные идеи в литературе «модернистов»⁵: 1) «Люби только себя, выше всего цени глубину и яркость своих душевных переживаний». В подтверждение приведено несколько цитат из разных авторов, в том числе из предисловия Блока к его «Лирическим драмам», где он пишет: «Самое большое, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания... Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю» (IV, 433—434). Эта цитата в таком контексте явно обескуражила Блока. На полях он написал: «Я-то тут причем? Т. е., когда я это писал, я как раз говорил ограниченительно о своих драмах, не любил себя».

2) «Смотри на людей как на средство к достижению указанной выше цели. Люди лишь материал для обогащения твоего «я». Презирай и ненавидь их заботы и тревоги...». Среди подтверждающих это положение цитат Блок обнаружил отрывок из своего стихотворения:

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят,
Кругом о злате и о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам
И зрит далекие миры.

(I, 78)

Но эти стихи отнюдь не следовало понимать как удовлетворенную констатацию равнодушия поэта к окружающей жизни, исключительного углубления в сферу своих переживаний. «Опять не так, — пишет Блок. — Это сказано перед лицом высшего, „не я“. Но этого они уж никогда не поймут».

Внимательно читал Блок статью Иванова-Разумника в журнале «Наш путь» (1918, № 1), посвященную анализу поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы». Поля ее испещрены замечаниями и поправками. В статье цитируется также стихотворение «Сытые». Против первой цитаты из него (первые четыре строки) Блок написал: «как слабо и плохо». Эта оценка перекликается с надписью в автографе: «Скверное стихотворение». Но, прочитав на следующей странице последнюю строфу, поэт передумал: «все-таки это надо отделать и включить в собрание». Блок не отресься от своего стихотворения, только его теперь, через тринадцать лет после написания, не удовлетворяла форма, прежде всего, по-видимому, несоответствие стиля первой и последних строф.

До нашего времени библиотека дошла не полностью, но основная часть книг сохранилась. В настоящее время составлено и подготовлено к печати их науч-

ное описание, в котором будут полностью представлены все пометы Блока на их страницах⁶. С появлением этого издания перед исследователями его творчества откроется новый богатейший источник сведений об отношении поэта к философским, историческим, литературным, искусствоведческим и другим проблемам.

Литературоведческих книг у Блока было немного — в сохранившейся части — около 50. Среди них преобладают книги по западноевропейским литературам (в том числе и по античной), русской древней, фольклору, книги, посвященные современной Блоку литературе.

Подбор книг по русской литературе XIX в. немногочислен и иногда даже производит впечатление случайно оказавшихся в доме книг. Например, о Пушкине у Блока было всего три книги: А. А. Венкстерн. А. С. Пушкин. Биограф. очерк. М., 1899; С. П. Бобров. Новое о стихосложении А. С. Пушкина. Трехдольный паузник у Пушкина. М., «Мусaget», 1915 и Иванов-Разумник. Сочинения, т. 5. Пушкин и Белинский. Пг., 1916. Последняя книга была подарена Блоку автором. Брошюра Боброва не сохранилась, в книге Венкстерна нет помет, которые Блок обычно делал при внимательном чтении.

Вероятно, причина этого заключается в том, что для Блока основой изучения писателя было комментированное издание текстов. Характерно, что в библиотеке поэта было пять различных изданий сочинений Пушкина. К специальным же литературоведческим книгам он обращался нечасто.

Автор настоящей статьи не ставит своей целью извлечь из маргиналий Блока и исследовать весь материал, касающийся его историко-литературных интересов. Здесь рассмотрены только некоторые отдельные вопросы.

Мысли Блока, возникавшие при чтении книг по истории литературы, касались не только чисто литературных проблем. При рассмотрении этих маргиналий прежде всего следует говорить о гражданских интересах поэта, и центральное место здесь занимает тема взаимоотношений интеллигенции и народа. Этот вопрос Блок считал для себя важнейшим (V, 319), связанным непосредственно с отношением к революции. Этой теме посвящены написанные в разные годы статьи, вошедшие в книгу «Россия и интеллигенция»⁷. В литературе уже обращалось внимание на то, что во всех них, а также в предисловии к книге, написанном в ноябре 1918 г., Блок не дает какого-либо социально-исторического определения понятий «народ» и «интеллигенция», а передает только эмоционально-поэтическое их восприятие⁸.

Тем не менее исторический и социальный аспекты этой проблемы занимали Блока. Об этом свидетельствуют его пометы прежде всего на двух изданиях. Это пятитомная «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1908, 1910) и «История русской общественной мысли» Иванова-Разумника (5-е изд. Пг., 1918).

Следует обратить внимание на то, что Блок читал «Историю русской литературы XIX в.» внимательно, оставляя на полях многочисленные пометы, не сразу после появления ее из печати, а, видимо, позже. В одном из томов имеются подчеркивания, сделанные кем-то другим. С присущей ему педантичностью Блок отметил это, написав на полях: «Это подчеркивал не я, а прежний владелец, вероятно, Б. Сильверсван». Значит, книги попали к Блоку из другой личной библиотеки. 17 июля 1916 г. Блок пометил в записной книжке «Чтение о Лескове и Гаршине» (ЗК, 307). Как раз главы об этих двух писателях отмечены в оглавлении IV тома и, судя по пометкам, внимательно изучены Блоком. Возможно, именно об этой книге и упоминается в записной книжке. Кроме того, в V томе есть надпись (о ней будет сказано ниже), где поэт пишет, что разговор проходил на днях, в мае 1919 г.

Не исключено, конечно, что Блок обращался к томам «Истории русской литературы XIX века» не один раз.

IV и V тома этого издания открываются статьями «Общественные и умственные течения 70-х годов» и «Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 гг.». Обе эти статьи Блок, несомненно, внимательно читал.

Разноречивость и нечеткость сведений, почерпнутых из этих книг, вполне осознавались поэтом и не оставляли у него иллюзии осведомленности в общественно-политических вопросах. «Я политически безграмотен» (VI, 8), — с подкупающей откровенностью заявлял он. В записной книжке с горечью признавал, что у него нет ясности в понимании происходящих событий, свидетелем которых он стал (ЗК, 316). Вероятно, это сознание и заставило Блока отказаться от исторически более конкретных формулировок в его книге «Россия и интеллигенция».

Вот несколько отрывков из статей, выделенных Блоком⁹, трактующих социально-историческое положение, значение и историю развития интеллигенции в России:

«Иллюзии начала 60-х годов были безжалостно разбиты. Одна за другой „великие“ реформы, проведенные бюрократическим правительством, разочаровывали передовые элементы „общества“ и интеллигенции. Крестьянское и земское самоуправление, свободная печать и независимый суд оказывались фикцией».

«Наиболее подвижная и культурная часть земельного дворянства переселялась в города, отказываясь от непосредственного ведения хозяйства. Часть реализовывала выкупные свидетельства в акциях и облигациях капиталистических предприятий, переходя в ряды буржуазии; часть уходила в либеральные профессии; наконец, часть поглощалась бюрократией».

«Лишь в северной нечерноземной полосе, где кабальные отношения в большой степени были вытеснены капиталистическими, где крестьяне еще до 1861 г. уже состояли на оброке, мы встречаем в 70-х годах типичные либеральные земства, ставшие культурными и в известной мере оппозиционными очагами провинциальной жизни. Деятельность прогрессивных элементов дворянского сословия здесь направляется в сторону постановки земской медицины, распространения начального образования, развития кустарных промыслов и кооперации и т. п.»

«...Тот социальный слой, который с этих именно пор начинают называть интеллигенцией, — слой, начинающийся с людей свободных профессий и исполнителей европеизированных реформами функций бюрократической машины и кончающийся высшими категориями квалифицированного наемного труда» (подчеркнуто Блоком). На этой же странице ниже подчеркнуто «действительный интеллигентный пролетариат».

«Старая дворянски-чиновничья культура быстро сходилась на нет, вместе с дворянскими гнездами, скомпрометированная своей вековой связью с устоями рабства и азиатчины, в то время как донельзя замедленный ход экономического развития не позволял выработаться в культурные силы ни буржуазии в собственном смысле слова, ни мелкому крестьянству, ни новому зажиточному крестьянству»¹⁰.

На этой же странице подчеркнуто «всесторонне бесправным элементом», против стоит восклицательный знак. Несколько ниже отчеркнуто: «Интеллигентные элементы дворянства, чиновничества, офицерства и буржуазии, как и передовые единицы мещанства и рабочего класса, тяготели своими духовными интересами к разночинной интеллигенции и попадали под сильное влияние создаваемой ею культуры и идейных традиций».

А вот мысли, остановившие внимание Блока при чтении книги Иванова-Разумника.

В начале главы, которая называется «Что такое интеллигенция?», Блок отчеркивает данное автором определение этого понятия, определение, следует заметить, довольно расплывчатое и противоречивое: «Этот признак (интеллигенция есть общественная группа. — О. М.) указывает на существенное различие между отдельными „интеллигентами“ и интеллигенцией как группой. Отдельные „интеллигенты“ существовали всегда, интеллигенция появилась только при органическом соединении отдельных интеллигентов в цельную, единую группу. Люди, характеризуемые определенной суммой выработанных трудом знаний или определенным отношением к основным этико-социологическим вопросам, всегда

очень интерес
357

тецкому^{*)}). Самое содержание разговора осталось тайной. Изабисто так заступничество не помогло: диктатурѣ сердца суждено было все-таки пацать покуснѣемъ, съ одной стороны, казнью—съ другой. И характерно, что Гаршинъ, одинъ тогда во всей легальной Россіи посмѣвшій «схватить за руку» всеильнаго диктатора (такъ же, какъ и его Иллиновъ относительно Бенцеля), приходитъ къ реабилитаціи Лорисъ Меликова. «Рано утромъ—пишетъ художникъ Малышевъ,—Гаршинъ пришелъ въ мою комнату страшно взволнованный и, рассказывая о своемъ посѣщеніи, осыпалъ похвалами своего собесѣдника и ждалъ отъ него великихъ дѣлъ^{**)}). Въ тотъ же день Гаршина видѣлъ также Г. И. Успенскій. «Нѣсколько писателей,—говоритъ онъ въ своей статьѣ,—собрались гдѣ-то въ Дмитріевскомъ переулкѣ, въ только что нанятой квартирѣ, не имѣвшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновленіи стараго «Русскаго Богатства». Въ числѣ прочихъ былъ и В. М. Его аномальное, возбужденное состояніе обратило на себя общее вниманіе... Охрипшій, съ глазами, налитыми кровью и постоянно затопляемыми слезами, онъ рассказывалъ ужасную исторію (своего визита къ диктатору), но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ и бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, какъ онъ только что наглотался воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, налилъ цѣлый стаканъ бальзама и выпилъ его, какъ воду, самъ, очевидно, не понимая, что съ нимъ творится». Наканунѣ весь день онъ былъ въ такомъ же состояніи и посредь тѣмъ, какъ отправиться къ Лорисъ Меликову, тоже пилъ вино (котораго совсѣмъ не пилъ ранѣе). Послѣ этого онъ нѣсколько дней страшно страдалъ, плакалъ и, наконецъ, совершенно разстроенный, уѣхалъ изъ Петербурга, очутился въ Тульской губерніи, бродилъ пѣшкомъ и верхомъ на лошади, попалъ къ Толстому въ Ясную Поляну. Закончилось это тѣмъ, что родные разскакали его, и онъ попалъ въ харьковскую больницу для душевно-больныхъ (т. н. Сабурова дача).

Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ припадковъ психоза, притисшій его такъ сильно, что Гаршину понадобилось цѣлыхъ два года спокойнаго пребыванія вдали отъ жизненныхъ впечатлѣній на бугскомъ лиманѣ, чтобы прийти въ относительное равновѣсіе.

Художественнымъ плодомъ этого душевнаго кризиса явился «Красный цвѣтокъ». Докторъ Сикорскій, извѣстный психіатръ, называетъ его классическимъ въ смыслѣ точнаго изображенія самой болѣзни. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой жемчужинѣ гаршинскаго творчества русская литература получила яркій символъ, воплощающій трагедію человѣческаго духа. Трудно представить себѣ то отдаленное

*) Слова въ кавычкахъ взяты изъ статьи Г. И. Успенскаго.

**) «Пам. Гаршина», 128.

ПОМЕТЫ БЛОКА НА СТАТЬЕ В. Г. КОРОЛЕНКО «ВСЕВОЛОДЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГАРШИНЪ» ВЪ КН. «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.» М., 1910, Т. 4
Институтъ русской литературы АН СССР, Ленинградъ

существовали и всегда будутъ существовать, но они еще не образуютъ собой интеллигенціи какъ группы. Такъ, например, отдельными русскими «интеллигентами» были въ XVI в. князь Курбскій, Иванъ Грозный, Феодосій Косой, этотъ типичный русский анархистъ; въ XVII в.— Матвеевъ, Котошихинъ, Хворостининъ; въ началѣ XVIII — Петръ I, Татищевъ, Ломоносовъ и т. п., однако ни въ XVI, ни въ XVII, ни въ XVIII вѣкѣ въ Россіи не было интеллигенціи какъ определенной социальной группы. Точно такъ же и въ настоящее время могутъ быть отдельные «ин-

телигенты“, обладающие высокой суммой выработанных трудом знаний, но не входящие в группу интеллигенции; мы увидим ниже, что ученейший академик и профессор может не принадлежать к интеллигенции в принимаемом нами смысле этого слова; по верному замечанию Лаврова, термин „интеллигенция“ отнюдь не связан с понятием о каких бы то ни было профессиях. К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю причислять себя к ней».

Дополнение к этой характеристике также отчеркнуто Блоком: «Итак, вот второй основной признак интеллигенции — преемственность; интеллигенция есть группа преемственная, или, говоря языком математики, она есть функция непрерывная. Такая группа русской интеллигенции существует с середины XVIII в.»

В заключение главы Иванов-Разумник пишет о своем понимании термина «интеллигенция»: «Определение это количественно значительно суживает группу интеллигенции, но качественно значительно повышает ее ценность. Но именно это и желательно, так как чрезмерное расширение понятия „интеллигенция“, внесение в нее всех людей с условной суммой знаний значительно понижало этическую ценность интеллигенции. Принцип «non multa, sed multum» вполне приложим и к данному случаю».

У Иванова-Разумника идеологию интеллигенции определяет индивидуализм, понимаемый как внимание к личности. Эта черта противопоставляется автором мещанскому сознанию.

В этой связи Блоком отчеркнуты следующие абзацы: «Мы вполне выразим нашу мысль, если скажем, что считаем центральной идеей этого прогресса — индивидуализм, а основным настроением среды — мещанство».

«На рубеже XIX и XX вв. термин „мещанство“ стал популярным с легкой руки М. Горького, которого в то время даже Михайловский упрекал за такой непростительный каламбур (придание сословному термину внесословного этического значения). Обвинение это было направлено не по адресу, так как на таком „каламбуре“ было построено за полвека до М. Горького, как это мы увидим, целое мировоззрение».

Далее отчеркнут абзац, где говорится о том, что первым слово «мещанство» в этическом смысле употребил Герцен, а за ним П. Ткачев и А. Ф. Писемский.

Ниже отчеркнуто: «Понятие «мещанство» — неизмеримо шире (чем буржуазия), так как внеклассовость и внесословность являются его характерными признаками...».

На следующей странице Блок подчеркнул, что мещанство основано на «безусловном самодержавии собственности».

Если Иванов-Разумник в своей книге характеризует русскую интеллигенцию в целом в самых возвышенных выражениях, придавая ей героико-романтический характер, то в статье «Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 гг.» дана яркая картина упадка общественных настроений.

В книге Иванова-Разумника Блок обратил внимание на следующую характеристику: «Эта вековая, эпическая борьба спаяла русскую интеллигенцию в одну массу, обладающую невероятной силой сопротивления: эта борьба закалила русскую интеллигенцию, как огонь закаляет сталь; эта борьба выковала из русской интеллигенции такое оружие, какого нет и не может быть в иных странах, у других народов»¹¹.

В статье «Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 гг.» Блок отчеркнул: «В своей массе общество погрузилось в политическую спячку и с равнодушием, а то и с озлоблением относилось ко всяким напоминаниям о гражданском долге. Расцветают обывательский мелкий индивидуализм, заботы о личном благополучии в данных неизменных общественных условиях. Общество аполитизируется, чувство и сознание социальной, гражданской связи атрофируется».

Этот обывательский индивидуализм находит свое непосредственное выра-

жение в идеологии эпохи. С одной стороны, выступает на сцену культ «малых дел», с другой — пропаганда личного самоусовершенствования в противовес идее общественной борьбы; в то же время в области художественной критики громко заявляет о себе теория «чистого искусства».

Последнее заявление вызывает у Блока ироническое «так-с».

Картина политической депрессии 80-х годов дополняется в статье следующими характеристиками, которые также вызвали интерес Блока.

«Типическое восьмидесятничество, свившее себе гнездо в «Неделе» и прославлявшее культурное значение «малых дел», выражает собою особенно сильно своего рода реакцию города против деревни, господствовавшей над умами в течение 60-х и 70-х годов <...>»

Плоский и бескрылый мешанский либерализм «восьмидесятников» и был первичной формой самосознания интеллигентской массы, которая как общественный слой, занимавший все более прочное место в буржуазном строе, перерастала идеологию и психологию интеллигентского «отщепенства» 60-х и 70-х годов»¹².

В связи с историей общественной мысли и литературы в IV томе «История русской литературы XIX века» излагаются взгляды двух идеологов народничества — П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

Здесь речь идет об «Исторических письмах» Лаврова и статье «Что такое прогресс?» Михайловского. Блок подчеркнул эти названия и отчеркнул то место, где анализируются взгляды Лаврова и Михайловского на исторический долг интеллигенции перед народом, долг, который должен быть возвращен. Сопоставляя взгляды П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, автор главы «Художественная литература и критика 70-х годов» И. Н. Игнатов пишет: *«Здесь (у Михайловского) уже признание необходимости жертвы, уже не наслаждение, а подвиг»*. Блок подчеркнул эти слова.

Несколько ниже отчеркнуто: «Семидесятнику не приходили в голову вопросы о „любви к дальнему“, для него нравственный принцип о положении души своей за други своя оставался непререкаемым и неизменным».

В связи с этой характеристикой воззрений 70-х годов автор обращается к восприятию романа Ф. М. Достоевского «Подросток» его первыми читателями. Эти строки очень заинтересовали Блока. Он отчеркнул его двумя чертами и поставил «№», а на полях сделал отметку: «Это очень важно». Вот выделенный Блоком текст: «Зачем непременно надо быть благородным?». Герой «Подростка» задавал подобные вопросы, но из тысячи читателей Достоевского едва ли один задумывался тогда над ними: для большинства они звучали как неинтересный парадокс, не подлежащий обсуждению, почти не доходящий до сознания. И в этом было счастье людей того времени, *возможность практических действий*, залог убедительности призывных речей. *Необходимость «благородства» была аксиомой*; а благородство могло выражаться только в уплате векового долга народу.

Следующая страница отмечена надписью: «все важно». Здесь идет речь о совершенной личности, том идеале, который рисовал Михайловский в статье «Что такое прогресс?».

Далее отчеркнуты два отрывка об отношении народников к крестьянству:

«Ибо если „нравственно, справедливо, разумно и полезно“ только то, что „уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов“, то очевидно, что безнравственным, несправедливым, неразумным и вредным должен быть назван порядок, установленный капиталистическим хозяйством. Отсюда естественно возникала тенденция к сохранению того *склада русской деревенской жизни...*».

«Владелец непредьявляемого к уплате многомиллионного векселя, терпеливый заимодавец — народ, давший средства на приобретение всех тех благ, которыми дорожит интеллигенция, оказывался сам обладателем блага, огромного, неопенимого, — обладателем условий, способствующих развитию современной личности. Естественно, что это рассуждение влекло за собой вопрос:

учить ли народ, или учиться у народа? Естественно, что литература отразила это недоумение».

Эта мысль была близка Блоку. В статье «Народ и интеллигенция» он писал о «воле к жизни», свойственной народу. «Понятно в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нем жизненных сил» (V, 327). Все вопросы, поставленные Блоком в статье «Народ и интеллигенция», продолжали быть для него остро насущными и в 1918 г., когда готовилась книга «Россия и интеллигенция». Несомненно, во все эти годы он не переставал размышлять над ними, и поэтому многое в статьях И. Игнатова и др. тематически было близко и интересно Блоку. Двумя чертами отчеркнуты и отмечены следующие строки: «И ранее, чем исследователь двигался в деревню, ранее, чем он направлял свой наблюдательный художественный аппарат на деревенского жителя, он уже знал, что должен найти там „устой“, прочное мировоззрение, стойкие идеалы».

Полностью подчеркнут один из выводов автора: *«Нужны были тяжелые удары действительности, нужен был горький опыт, чтобы художественная литература, переживая общие изменения в настроении, переменяла краски и от розовых тонов перешла к менее светлым».*

Слабые стороны народнической литературы, отмеченные в статье И. Игнатова, также не прошли мимо внимания Блока. Прочитав слова: «Как мог мужик, вынесший на себе ярмо крепостной зависимости, испытавший на себе отраву барского гнева и барских милостей, сохранить в такой неприкосновенности идеалы добра и правды, на это художественная литература того времени не отвечала», — Блок слово «художественная» заключил в кавычки, а в конце поставил восклицательный знак.

Ироничность этих, казалось бы, незначительных пометок, как раз и позволяет почувствовать эмоциональность восприятия поэтом истории литературы.

Изложение взглядов Ткачева, который с наивной прямолинейностью пытался объяснить убеждения писателя исключительно его классовой принадлежностью, вызвало, по-видимому, ироническое отношение Блока. В тексте он подчеркнул слова «критерий убежденного экономического материалиста», а прочитав, что, по мнению Ткачева, недовольство дворян, когда их благосостояние начало колебаться, побудило их стремиться к переустройству, сочувствовать обиженным, Блок отозвался явно иронически: «вот это интересно».

Обращаясь к трактовке крестьянской темы в творчестве различных писателей, Игнатов писал: «Успенский, исходя от частного к общему, брал явление, каково оно есть: отрицательное, так отрицательное, темное, так темное. И потом уже из сопоставления многих явлений вместе приходил к открытию общего руководящего отношениями деревенских жителей принципа. От этого произведения Златовратского производили впечатление оптимистического отношения к деревенской жизни, в произведениях Успенского видели впечатления пессимиста. Златовратский как бы выражал собой мнение и настроение большинства семидесятников, Успенский подготавливал то неизбежное разочарование, ту страшную истину, которая заключалась в констатировании неизмеримой пропасти, отделяющей крестьянскую правду от правды интеллигента»¹³.

К этому абзацу Блок сделал приписку: «т. к. Успенский был настоящим писателем, а Златовратский — нет».

В безотрадном выводе автора статьи о страшной разобщенности народа и интеллигенции Блок также нашел подтверждение своему взгляду, выраженному в статье «Народ и интеллигенция». По этой же причине, вероятно, отчеркнуты строки в статье V тома о горьком признании Гл. Успенского, что «подлинный народ кричит демократической интеллигенции «не суйся!», и о не менее горьком утверждении писателей «Народной воли», что «работать в народе — то же, что биться об лед».

В связи с интересом Блока к трактовке в русской литературе крестьянской темы привлекает внимание надпись о Горьком.

М. Неведомский в главе о Горьком, проанализировав рассказ «Челкаш», сделал следующую сноску: «Тот сарказм по адресу деревни, который я отметил

менниковъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ свое время Писаревъ и другіе „властители думъ“.

Даже теперь, просматривая старыя книжки „Отечественныхъ Записокъ“, мы поражаемся единствомъ впечатлѣній, выносимыхъ отъ книжекъ журнала. Яркія литературныя индивидуальности со-трудниковъ, имѣть ничего общаго въ ихъ талантъ и манерѣ подходить къ предмету, темы обсужденія не одинаковы, формы изложе-нія разнообразны,—и, однако, вездѣ чувствуется единство мысли, цѣлей и вѣрованій. При настроеніи, которое господствовало въ се-мидесятыхъ годахъ, журналъ съ такимъ единствомъ направленія имѣть бы большое значеніе, даже если бы въ немъ участвовали люди средняго дарованія. Но въ немъ работали большіе таланты, исключительныя литературныя дарованія: Салтыковъ, Некрасовъ, Михайловскій, Глѣбъ Успенскій. Понятно, почему каждая книжка ожидалась съ нетерпѣніемъ, почему, даже презрительно относясь ко всѣмъ, кто неспособенъ „жертвовать собой за свои убѣжденія“, мо-лодежь искала руководства со стороны „либераловъ“ „Отече-ственныхъ Записокъ“.

Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ художественной литера-туры того времени является ея національная самостоятельность, можно даже сказать, обособленность. Въ этомъ отношеніи литера-тура шла дальше жизни, не отражая на себѣ тѣхъ западныхъ влия-ній, которыя сказались среди читателей и, несомнѣнно, играли роль

Это
стало
на
книжкахъ
Горького
эпоха

ПОМЕТЫ БЛОКА В КН. «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.». М., 1910, Т. 4
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

только что в очерке „Челкаш“, разумеется, не определяет еще отношения Горького к деревне вообще¹⁴. Блок отчеркнул ее, поставив рядом вопросительный и восклицательный знаки, а на следующей странице написал: «Нет, Горький всегда ненавидел деревню, о чем еще на днях упомянул при мне (май, 1919)».

Избирательность при изучении литературного процесса, эта слабая сторона исследовательского метода Д. Н. Овсяннико-Куликовского, в большой мере присуща и всему редактируемому им труду.

На этот недостаток обратил внимание и Блок.

В конце вступительной части своей главы И. Игнатов пишет: «Можно ска-зать, что этими двумя отделами — художественной критикой старого мира и отражением поисков народной правды, предпринятых заболевшим «светлой мыслью» интеллигентом, — характеризуется *вся художественная литература начала 70-х годов*». Подчеркнув последние слова, Блок написал: «Какой ужас! Но ведь это, к счастью, неправда». Перевернув страницу и прочитав следующее: «Конечно, наряду с литературой, характерной для описываемого периода, должны быть отмечены произведения, которые только совпадали по времени с 70-ми годами, но определенного отношения к настроению современников не имели. Неизмеримо высокие в художественном отношении, принадлежащие перу наиболее „великих писателей земли русской“, эти произведения стоят вне эпохи; они относятся ко всем временам и принадлежат всем народам...», — Блок сделал приписку: «вот то-то и есть». Игнатов заключил свою главу следующей об-щей характеристикой 70-х годов в русской литературе (тоже отчеркнутой Бло-ком): «Падение общей веры отразилось на художественной критике понижен-ностью тона, меньшей категоричностью выводов, но требования, предъявляе-мые ею к художественным произведениям, остались прежними, точка зрения, с которой она смотрела на искусство, не подверглась изменениям. *Публицисти-ческая критика перешла, как наследие, и в эпоху 80-х годов*».

Блок подчеркнул последнюю фразу и сделал следующую приписку: «Так. Но вообще-то было и другое, хотя и мало. Об этом вам, г-н автор, приказано молчать?».

Вообще среди надписей Блока немало критических замечаний. В III томе «Истории русской литературы» он прочитал очерк В. Ф. Саводника об А. А. Фете.

Автор начинает рассказ об этом поэте с утверждения, что он как личность «представляет любопытную психологическую загадку», настолько не соответствует общее впечатление от его поэзии облику поэта, известному нам из биографических источников. «Приходится предположить, — пишет В. Ф. Саводник, — что в моменты поэтического вдохновения в душе Фета происходило нечто вроде “раздвоения личности” и сквозь обыденные черты его характера проступали новые, чуждые ему в повседневной жизни»¹⁵. Против этого места Блок поставил два восклицательных знака красным карандашом. Далее В. Ф. Саводник приводит цитату из письма Л. Н. Толстого к Фету: «Стихотворение это <„Среди звезд“.— О. М.> не только достойно вас, но оно особенно и особенно хорошо, с тем самым философски-поэтическим характером, которого я ждал от вас... Хорошо тоже, что на том же листке, на котором написано это стихотворение, излиты чувства скорби о том, что керосин стал стоить 12 коп. Это побочный, но верный признак поэта».

Блоку, несомненно, была близка мысль Толстого, который, конечно, писал вполне серьезно, а не с «простодушной иронией», как полагал В. Ф. Саводник. По существу, то же самое высказал Пушкин в стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта...»), то же самое заложено в образе Импровизатора в «Египетских ночах». Непонимание этого Саводником раздражило поэта. Он пишет: «Автор довольно известной „истории литературы“. До какого же идиотизма надо доучиться, чтобы целую страницу посвящать такому рассуждению и не заметить, что цитата из письма Толстого убийственна для автора статьи?».

Блок прочитал статью об А. А. Фете, но, видимо, ничто в ней не привлекло его внимания, хотя исправленная в цитате опечатка доказывает, что он дочитал ее до конца.

Зато читая предисловие Б. В. Никольского к «Полному собранию стихотворений» А. А. Фета, Блок сделал немало пометок. Многие здесь ему явно не понравились. Отмечены неудачные выражения, неуместные эпитеты, заглавия разделов лирики, данные редактором.

Резкое несогласие Блока вызвало утверждение, что для читателей Фета не имеет значения хронология написания его стихотворений, Блок отчеркнул и подчеркнул эти места в тексте предисловия, а против слов «огромное множество его стихотворений не стоит в связи не только ни с какими определенными событиями общественной жизни или личной биографии автора, но могло бы быть написано в любом веке, в любой стране»¹⁶ написал: «о, нет».

Пометы в томе свидетельствуют о том, что для Блока хронология стихотворений Фета имела особое значение. Во многих случаях даты под текстами стихотворений подчеркнуты, а там, где их нет, Блок их сам проставил, причем для этого пользовался не только хронологическим указателем, помещенным в 3-м томе этого издания, но и другими источниками, так как многие даты в указателе отсутствуют или менее точны, чем поставленные Блоком.

В некоторых случаях Блок отметил, что во время написания стихотворения Фету было 72 года¹⁷ («Не могу я слышать этой птички...»), «Все, что волшебю так манило...», «Ночь лазурная смотрит на скошенный дуг...», «Рассыпаясь смехом ребенка...», «Она ему — образ мгновенный...»). Блока явно интересует нестаряющееся лирическое мироощущение поэта. Об этом же свидетельствуют и подчеркнутые Блоком строки стихотворения «Все, все мое, что есть и прежде было...»:

Блаженных грез душа не поделила,
Нет старческих и юношеских снов.

Из других помет на стихотворениях Фета, кроме неясных по смыслу значков¹⁸, которыми Блок обычно отмечал стихотворения в сборниках самых разных поэтов (кружки, треугольники, крестики), интересны отмеченные им параллели со стихами Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

Так, отчеркнув четверостишие:

Пуская в свет мои мечты,
Я предаюсь надежде сладкой,
Что, может быть, на них украдкой
Блеснет улыбка красоты,

— Блок рядом написал: «Пушкин». Здесь, несомненно, отмечена аллюзия на посвящение к поэме «Руслан и Людмила». У Пушкина:

Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

Стихи Фета:

В пору любви, мечты, свободы,
В мерцанье розового дня
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня,

— вероятно, напомнили по контрасту строки Лермонтова (помета «Лермонтов»):

Любил и я в былые годы,	Но красеты их безобразной
В невинности души моей,	Я скоро таинство постиг,
И бури шумные природы,	И мне наскучил их несвязный
И бури тайные страстей.	И оглушающий язык.

В стихотворении «В саду» Блок подчеркнул слова «с безумством и тоской» а рядом отметил: «Тютчев».

В двух случаях Блок отметил у Фета художественные образы, предвосхищающие поэтику А. Белого. В стихотворении «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», в строках:

У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне,

— Блок подчеркнул слово «Прочернеет», а рядом пометил: «А. Белый». В стихотворении «У камина» подчеркнуты строки:

Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек,

— и против них надпись: «Отсюда А. Белый». В трех стихотворениях («Как майский голубокий...», «Ах, дитя, к тебе привязан...», «Сосна так темна, хоть и месяц...») Блок отметил влияние Гейне.

Как уже говорилось выше, для того чтобы по маргиналиям установить, как Блок относился к тому или иному стихотворению Фета, необходимо дальнейшее изучение блоковской индивидуальной системы значков, которые он ставил около заглавия или первой строки стихотворения. Но с уверенностью можно, например, сказать, что стихотворение «Ель рукавом мне тропинку завесила» как-то особенно остановило внимание поэта. Оно отмечено так же, как стихотворение, о котором сам Блок писал, что оно было для него «путеводной звездой», — «Когда мои мечты за гранью прошлых дней» (I, 332). Оба эти стихотворения отмечены косым крестиком красным карандашом и отчеркнуты чертой, идущей от крестика до последней строки. В стихотворении же «Ель рукавом...» начиная со строки: «Чу! Там, вдали неожиданно слышится...» — все строки до конца стихотворения подчеркнуты красным карандашом.

Подмечена также поэтом внутренняя связь стихотворений «Еще весна, — как будто неземной...» и «Чем тоске я не знаю помочь...», а стихотворение «Только станет смеркаться немножко...» Блок отредактировал — первую и чет-

вертую строфы он оставил без изменения, третью отбросил. Вторая в его редакции звучит так:

Я зажгу перед зеркалом свечи,
Я камни для тебя растоплю,
Буду слушать веселые речи,
Без которых я жить не могу.

Как уже упоминалось, книг о А. С. Пушкине и М. Ю. Лермонтове у Блока немного.

Основная часть помет, относящихся к Лермонтову, сделана им на страницах Полного собрания сочинений под ред. Д. И. Абрамовича и уже в значительной мере изучена¹⁹.

У Блока был еще Лермонтов под ред. П. А. Ефремова. Об этом свидетельствуют некоторые заметки в Полном собрании сочинений Лермонтова (см., например, т. 2, с. 252: «Сличено с Ефремовским» и пр.).

По-видимому, это то издание, которое было подарено поэтом Н. А. Полле-Коган и утрачено во время Великой Отечественной войны²⁰.

Было еще в библиотеке Блока Полное собрание сочинений Лермонтова под редакцией Ф. И. Анского, переплетенное вместе с романом «Вадим» из «Вестника Европы». Книга эта внесена Блоком в рукописный алфавитный каталог его библиотеки, но местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

Литература же о Лермонтове, видимо, мало интересовала поэта. На книге А. Я. Цинговатова «Сложность перспектив лермонтовского творчества» (М., 1918) помет нет. Был у Блока «Венок М. Ю. Лермонтову», юбилейный сборник статей о Лермонтове (М.— Пг., 1914)²¹. Он получил его от автора одной из статей, помещенных в сборнике. На титульном листе книги — дарственная надпись: «Александрю Александровичу Блоку с искренним уважением Ив. Розанов». В своих воспоминаниях И. Н. Розанов рассказывает о встрече с Блоком, когда он подарил поэту «Венок М. Ю. Лермонтову».

Это было 16 мая 1920 г. Розанов обратился к Блоку с предложением написать статью о Лермонтове для задуманной в одном издательстве серии избранных произведений русских классиков.

Блок отказался. Он только что сдал однотомник Лермонтова в издательство Гржебина. Работа эта, за которую поэт взялся с подъемом и удовольствием, принесла ему немало огорчений и обид. По требованию редакции он вынужден был переделать вступительную статью. В части тиража отказались и от предложенного Блоком, тщательно продуманного им расположения произведений. Даже портрет Лермонтова на фронтисписе однотомника был помещен не тот, который особенно нравился Блоку.

В разговоре с Розановым Блок и говорил о принципах составления однотомника и поэтике Лермонтова, которой он посвятил особое внимание в примечаниях к стихотворениям.

«Я спросил его, знает ли он статью Фишера о поэтике Лермонтова, помещенную в юбилейном сборнике „Венок Лермонтову“, — вспоминает Розанов, — он отвечал, что не знает этого сборника.

У меня, как участника „Венка Лермонтову“, был второй экземпляр этой книги. Я сказал, что охотно подарю ему свой дублет. Он поблагодарил...

— Как жаль, что я не знал этого раньше, — сказал Блок при новой встрече, когда Розанов принес обещанную книгу. — Но я должен признаться, что не только этого сборника до сих пор не видел, но, хорошо зная Лермонтова, я совсем почти не знаю юбилейной лермонтовской литературы 1914 г. Меня когда-то давно отпугнула от литературы о Лермонтове книга Котляровского. Он не понял самого главного, что Лермонтов — поэт...

Вероятно, из вежливости он стал мою статью „Отзвуки Лермонтова“ перелистывать медленнее, чем предыдущие»²².

Розанов ошибся, думая, что Блок не заинтересовался его статьей. Пометы свидетельствуют о том, что он потом перечитал ее. (При Розанове Блок помет не

естественности**). При отрицании объективных законов исторического развития такое научное обоснование нравственного идеала может быть только антропологическим. Развитие личности—к этому сводится основной критерий исторического процесса. „Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости—вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом“***), говорит Лавров, считая „понятию, входящую в эту формулу, ... воплоти определенными и недопускающими различных толкований для всякого, кто к ним добросовестно относится“.

Эта абстрактная формула прогресса выражала не что иное, как оцѣнку русским демократомъ-интеллигентомъ положительных цѣлей социалистического рабочего движения на Западѣ, присоединение русского демократа къ стремлениямъ европейскаго пролетариата.

Если такова формула дѣйствительнаго прогресса, то силой, двигающей прогрессъ, является, по Лаврову, критически-мыслящая личность. „Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ“****). Критически-мыслящей является личность, освободившая себя работой мысли отъ пассивнаго подчинения культурѣ своего времени, возвысившаяся надъ современнымъ ей обществомъ; короче, это есть идеализированный русскій интеллигентъ-демократъ эпохи крутого разрыва интеллигенци съ барско-чиновничьей общественной средой. „Для того, чтобы эта маленькая группа („группа людей,

*) Ibid., 30—31.

**) Ibid., 40.

***) Ibid., 41—2.

****) Ibid., 78.

ПОМЕТЫ БЛОКА В КН. «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.». М., 1910, Т. 4
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

делал, иначе Розанов упомянул бы об этом.) В этой статье поэт отметил аналогии в стихах Лермонтова и Огарева (на с. 241) и Лермонтова и Губера (на с. 243). Но особое внимание поэта привлекла статья В. М. Фишера «Поэтика Лермонтова», а в этой статье раздел, посвященный стиху. Характерно, что при чтении статьи Фишера вопросы стихосложения у Лермонтова постоянно вызывают в сознании Блока сопоставления с Пушкиным. Так, рядом со строками из стихотворения «Валерик»:

...на шинели
Спину к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры

Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы.— Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу,

приведенными Фишером как пример выявления Лермонтовым выразительных возможностей цезуры, Блок написал: «Ср. цезуры в „Медном всаднике“». Фишер отмечает, что «Лермонтов часто пользовался дактилем, вовсе не употребительным у Пушкина». Это место вызвало сомнение Блока. Он ставит рядом вопросительный знак, пишет «разве?» и затем делает сноску: «См. „Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила“ — и проставляет стихотворный размер. А на замечание Фишера: «Шестистопный ямб в чистом виде редок у Лермонтова: он не любит классических размеров» — Блок возражает: «См., однако, „Ребенку“, „Мне грустно“».

Характеризуя стиль Лермонтова, Фишер пишет: «К этой простоте Лермонтов стремился сознательно, еще при жизни Пушкина шагнув дальше его. Он почти совсем изгнал из своего языка мифологию, и у него мы не найдем ни муз, ни Аполлонов, ни лир, которые так неуместно звучат еще в гражданских сти-

хах Некрасова». Блок дополняет — «и Надсона (напр., „Окрыленный мечтой <...> Никогда не играл я на лире“).

На утверждение Фишера: «Наконец, Лермонтову принадлежит честь усвоения русской речи стиха, который можно назвать трехстопным анапестом — ямбом» (подчеркнуто Блоком) — Блок возражает: «До „усвоения“ еще далеко».

Об осведомленности Блока в области литературы о Пушкине и Лермонтове свидетельствует его надпись, вызванная следующим подстрочным примечанием: «В исследовании А. Белого о четырехстопном ямбе допущена относительно Лермонтова крупная ошибка, принятая на веру редакцией академического издания и некоторыми пишущими о Лермонтове, — будто у Лермонтова нет вовсе стихов с ударениями на 2-й и 3-й стопах вместе. Вот они наудачу эти стихи: „кочующие караваны“, „причудливые, как мечты“, „курились, как алтари“». Блок пишет: «Не указано, что это наблюдение принадлежит проф. Ф. Коршу (Разбор „Русалки“).

В книге Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (Пг., 1918, вып. 2) Блоком внимательно изучена глава о Лермонтове, где поэт рассматривается прежде всего как враг духовного мещанства.

Утверждение автора о сходстве Лермонтова с Чеховым вызвало недоумение Блока. Эти строки подчеркнуты, против них стоит вопросительный знак. Затем Блок выделяет основные мысли, подтверждающие этот тезис:

«Лермонтов, подобно Чехову, одновременно является и резким пессимистом и ярким оптимистом». Несколько ниже отчеркнуто: «Лермонтов, подобно Чехову, задыхался в атмосфере мещанства жизни, но в то же время он верил, что сама по себе жизнь может быть прекрасной даже не через триста лет, а в настоящее время».

«Мысль Лермонтова (о мещанстве самой жизни, а не той или иной общественной группы) была настолько нова, что только через полвека после его гибели снова возродилась у Чехова; но все-таки она сделала свое дело. И для нашего поколения Лермонтов, быть может, самый современный поэт; мы чувствуем нити, которые связывают его с нами и которые мы старались распутать на предыдущих страницах».

Далее внимание Блока привлекли те места текста, где Иванов-Разумник формулирует свое понимание основных черт творчества Лермонтова. Это прежде всего индивидуализм, противопоставляемый широко понимаемому мещанству: «Все общественные группы, все общество, все человечество кажутся ему насквозь пропитанными мещанством. С этой точки зрения он, быть может, ярчайший индивидуалист во всей русской литературе».

«Таким образом, следствием „антимещанства“ Лермонтова является его яркий индивидуализм; здесь коренится причина его жадного интереса к личности. Личность для Лермонтова — это все; для него „история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа“».

«Мистиком в душе» называет Лермонтова Иванов-Разумник. Блок подчеркнул эти слова, а также отчеркнул абзац:

«По своей природе Лермонтов несомненно был религиозным романтиком, мистиком; он откровенно признается:

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...».

Главный фактор формирования личности Лермонтова Иванов-Разумник видит «в глубоком раздвоении между психологическим типом Лермонтова и выработанным им мировоззрением». Подчеркнув этот текст, Блок выделяет и те места, где тезис автора развивается:

«„ум с сердцем не в ладу“ были не только у одного Чацкого, но и у целого ряда деятелей той эпохи»;

«Это раздвоение обратило религиозный романтизм Лермонтова в неопределенный пантеизм; раздвоение это сказалось в постановке вопроса о разуме и чувстве (напр., в „Думе“):

«Он стремился за пределы предельного и в то же время жадно любил все земное»

«Здесь налицо перед нами то причудливое сочетание ненависти к жизни (к мещанской жизни!) с жаждой жизни, которое так характерно для Лермонтова».

Иванов-Разумник пишет: «И, по обыкновению, прав был великий критик земли русской, находивший „пафос“ поэзии Лермонтова „в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности“»²³. Подчеркнув слова «по обыкновению», Блок рядом заметил: «Увы, нет». Это далеко не случайно.

В литературе о Блоке уже не раз рассматривался вопрос о противоречивом и сложном отношении поэта к В. Г. Белинскому. Известно немало высказываний Блока, свидетельствующих о какой-то необъяснимой субъективной неприязни его к великому критику.

В 1924 г. А. Я. Цинговатов²⁴ пытался объяснить это сословным сознанием Блока, который якобы болезненно переживал вторжение в русскую культуру разночинцев, пришедших на смену дворянству. С этим трудно согласиться. Вероятно, на автора в какой-то мере повлияли вульгарно-социологические теории, от которых было не свободно литературоведение тех лет. Разрешение этого вопроса, несомненно, нужно искать в идейно-эстетических воззрениях, а не социальных пристрастиях Блока.

В 60-е годы этой темой занимался И. Т. Крук²⁵. В его статьях собран большой материал, подтверждающий целый ряд совпадений в литературных взглядах и оценках Белинского и Блока. При этом автор приходит к заключению, что в конце жизни Блок изменил свое мнение о Белинском, чему, впрочем, противоречит его отзыв в статье «О назначении поэта» (1924) (V, 166—167).

Однако то, что, как пишет И. Т. Крук, «его (Блока. — О. М.) суждения нередко совпадали с суждениями Белинского», — это только одна сторона сложного вопроса. Признавая, что «Белинский был велик и прозорлив во многом» (VI, 28), Блок в то же время отрицательно оценивает его деятельность в целом.

Об этом же свидетельствует надпись поэта на книге С. П. Шевырева «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (М., 1836), которую, судя по пометам («о ч е н ь в а ж н о» и др.), Блок высоко ценил. На странице 81 он написал: «Пушкин еще был жив, когда эта книга вышла. Эту культуру Белинский и пр. еще разложить не удалось».

Эта заметка созвучна строкам из статьи «О назначении поэта»: «Слабел Пушкин — заблела с ним вместе и культура его поры, единственной культурной эпохи в России прошлого века. Приближались роковые 40-е годы. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского <...> Во второй половине века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку» (V, 166—167). Оба эти высказывания в чем-то дополняют и объясняют друг друга.

Возможно, откликаясь не на одни печатные высказывания Блока, но и после какого-то спора о Белинском, Иванов-Разумник сделал такую дарственную надпись, посылая поэту пятый том своих сочинений: «Дорогому Александру Александровичу Блоку, другу Пушкина и врагу Белинского, от Р. И в а н о в а. Январь 1916 г.». В третьей части «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника Блок отчеркнул следующие абзацы:

«Определить Белинского словом „критик“ — это все равно, что назвать Достоевского „романистом“: Это только случайная, внешняя форма их проявления. Бесспорно, Достоевский — „романист“, но прежде всего он глубокий религиозный мыслитель; Белинский — критик, но прежде всего он творец этико-социологического мировоззрения».

Критиком он был поневоле, особенно в эпоху 40-х годов; он сознавал в себе способности и силы пламенного проповедника, трибуна. „Природа осудила меня лаять собакой и вить шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкой, вертеть хвостом по-лиси“ — это его собственное признание. Только в своих

письмах Белинский был тем „неистовым Виссарионом“, каким он был в жизни; письма Белинского — драгоценнейшие литературные документы 30-х и 40-х годов минувшего века, и выше мы обильно пользовались ими для характеристики воззрений и этой эпохи, и самого Белинского. Одно из этих писем сыграло громадную роль в истории русского сознания; мы имеем в виду знаменитое письмо Белинского к Гоголю (из Зальцбрунна, от 15 июля 1847 г.), являющееся уничтожающим ответом на „Выбранные места из переписки с друзьями“ последнего»²⁶.

Следующий отчеркнутый Блоком абзац полностью посвящен значению письма Белинского к Гоголю в истории русского общества.

Суда по последующим отзывам Блока, книга Иванова-Разумника его не переубедила, и отчеркнутые места, возможно, послужили темой их очередного спора.

Среди писателей, разделы о которых в «Истории русской литературы XIX века» внимательно изучены Блоком, одно из первых мест занимает Ф. И. Тютчев.

Помимо этого, в главе о Некрасове, написанной В. П. Кранихфельдом, выделены те места, где говорится о Тютчеве.

По-видимому, неожиданным для Блока было то, что он прочитал здесь: *Некрасов первый (в 1850 г.) оценил и высоко поставил талант мало известного тогда поэта Тютчева.* Против этого места стоит вопросительный знак.

В той же главе Блока заинтересовало такое сопоставление Некрасова и Тютчева:

«Совершенно отрицая поэзию Некрасова, Тургенев чувствовал большую симпатию к Полонскому, который, по удачному выражению Влад. Соловьева, был поэтом „полусонных, сумеречных, слегка бредовых ощущений“. Затем из других современных Некрасову поэтов Тургенев особенно высоко ценил Тютчева; к этому поэту Тургенев относился почти восторженно, его же не прочь противопоставить Некрасову и Л. Толстой. И действительно, по мотивам, обладающим в поэзии Тютчева, этот поэт является полной противоположностью Некрасову. Тютчев — поэт-философ, „поэт для немногих ценителей“, как выразился о нем Тургенев. Мотивы, которые трактует философская поэзия Тютчева, касаются преимущественно мистических основ бытия и таинственной сущности земной жизни человека. Поэт скорбит о связанной ограниченности человеческого знания и человеческой любви, о призрачности и ничтожности человеческой личности; проникнутый пантеистическим настроением, он одухотворяет природу и жадно ищет полного слияния с космосом. Словом, поэзия Тютчева является прямым отзвуком тех смутных запросов человеческого духа, которые, оставаясь безответными, не перестают тревожить мысль и которые, как мы знаем, не один раз мучительными, требовавшими безотлагательного решения проблемами вставали перед страстным искателем истины Л. Н. Толстым». Сноска на этой странице отчеркнута даже двумя чертами (а против поставлен восклицательный знак): «Конструкция всей фразы, в которой Л. Толстой дает оценку современным поэтам, такова: После Пушкина и Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам — Майкову, Полонскому и Фету, потом к совершенно лишнему поэтическому дару Некрасову, к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом и т. д.».

Главу о Тютчеве, написанную А. Г. Горихфельдом, Блок проработал внимательно, подчеркнул многие формулировки. Но в самом конце главы критически отнесся к словам: «По существу он остался все тем же непошлимым», могучим в лучших, бессмертных образцах своей философской лирики *учителем жизни для читателя, учителем поэзии для поэтов*²⁷. Подчеркнув последнюю строку, он написал: «Почему же все-таки, учит(елем) жизни. — Все это — та же ложь, „революционная лезть“, Тютчев и культуры не касается».

Интересную заметку сделал Блок во втором томе «Истории русской общественной мысли» в конце главы, посвященной Козьме Пруткову: «Были люди, которые с жадностью вдохнули „чистый воздух“ К. Пруткова, задохнувшись в либерализме 60-х годов. Об этом говорила бабушка моя Е. Г.».

В IV томе «Истории русской литературы XIX в.» пометы, свидетельствующие о внимательном прочтении, имеются еще на полях статей о В. М. Гаршине (автор В. Г. Короленко) и Н. С. Лескове (автор Н. О. Лернер).

Помимо обычных для Блока помет, выделяющих имена, даты, названия произведений, отчеркнуты некоторые эпизоды из биографии этих писателей. Так, например, на странице, где рассказывается, как Гаршин ходил к Лорис-Меликову просить за осужденного на казнь Молодецкого, Блок сделал надпись: «очень интересно». Подчеркнуты относящиеся к Гаршину, вернувшемуся после разговора с Лорис-Меликовым, слова: «осыпал похвалами своего собеседника и ждал от него великих дел».

Особо отмечена Блоком следующая мысль В. Г. Короленко. Сопоставляя образы Сони Мармеладовой («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского) и Нины Николаевны («Происшествие» В. М. Гаршина), он пишет: «В обоих этих образцах (безотносительно к силе таланта) русская литература тех времен робко подходит к страшной проблеме женского падения. Подходит еще издали, как бы в неведении всей реальной правды и сохраняя в памяти идеальные представления о женской натуре. Еще несколько шагов — и эти идеалистические представления разлетятся, как мыльный пузырь. В наше время литература уже сделала эти шаги. Она вскрывает бытовую обстановку проститутки с поразительной, отталкивающей, одурачивающей правдивостью. Эти наивные образы 70-х годов стоят в новейшей литературе по этому предмету приблизительно в таком же отношении, как мужики Тургенева или крестьянские дети из „Бежина луга“ — к картинам народной жизни вроде, например, решетниковских „Подлиповцев“. Однако — есть своя правда и в „Бежином лугу“. И порой невольно приходит в голову, что реальный угар, которым веет от новейших изображений проституции, — тоже не вся правда. Для художественного синтеза необходим и элемент того целомудренного идеализма, с каким подходила к этому вопросу литература 60-х и 70-х годов...»²⁸. «Это верно», — написал Блок на полях.

В главе о Лескове много внимания поэт уделил биографии писателя, особенно тем эпизодам, которые свидетельствуют о его гражданском мужестве.

Так, например, отчеркнут рассказ об истории отставки Лескова, когда в 1883 г. его литературная деятельность была признана несовместимой с государственной службой. По настоянию самого Лескова он был уволен «по третьему пункту», «без прощения». По-видимому, с интересом прочитал Блок о разговоре писателя с министром Деляновым, который пытался уговорить Лескова «не делать скандала» и подать прошение об отставке.

«— Зачем это вам нужно, Николай Семеныч, без прощения-то?

— Для некролога.. моего и вашего! — ответил Лесков».

Таковы только некоторые материалы библиотеки Блока, касающиеся русской литературы XIX в. и позволяющие несколько расширить и конкретизировать наши представления о литературных интересах поэта.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К. И. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. — Пг., 1924, с. 4.

² ИРЛИ, ф. 654, ед. хр. 388.

³ «История русской литературы XIX в.» Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. 4. М., «Мир», с. 62.

⁴ «Весы», 1907, № 10, с. 57.

⁵ «Пролог. Мысли о литературе и жизни». Пг., 1915, с. 48, 51.

⁶ «Библиотека Александра Блока. Описание», кн. 1—3 (сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина). Л., «Наука», 1984 — 1986.

⁷ А. А. Блок. Россия и интеллигенция. Пг., «Алконост», 1919.

⁸ Д. Максимова. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., «Сов. писатель», 1981, с. 359.

⁹ Здесь и далее приводятся отчеркнутые Блоком тексты. Подчеркивания выделяются курсивом, остальные пометы оговариваются особо.

¹⁰ «История русской литературы XIX в.», т. 4, с. 2, 3—4, 13, 12.

¹¹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, вып. 1. Пг., 1918, с. 8—9, 10, 20, 25. 25—26. 10.

¹² «История русской литературы XIX в.», т. 5, с. 3, 7.

¹³ Там же, т. 4, с. 55, 56, 57, 58, 73, 74.

¹⁴ Там же, т. 5, с. 6—7, 239.

¹⁵ Там же, т. 4, с. 59, 102, 461.

¹⁶ А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений, т. 1. СПб., 1901, с. XI.

¹⁷ Вернее было бы сказать, на 72-м году жизни, так как Фет родился 29 октября или ноября 1820 г. и умер 21 ноября 1892 г.

¹⁸ Об этих знаках см. статью Д. Е. Максимова «Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока)». — В кн.: «Творчество писателя и литературный процесс». Иванов, 1981, с. 115—149.

¹⁹ О. Миллер. Пометы Александра Блока на Полном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова. — В кн.: «В мире Блока». М., 1981, с. 503—516.

²⁰ См. наст. том, кн. 3, с. 109.

²¹ Книга эта в 1975 г. была приобретена в Ленинграде в букинистическом магазине известным литературоведом В. Э. Вацуру, которому автор приносит глубокую благодарность за разрешение ознакомиться с пометами Блока на ее страницах.

²² «Огонек», 1940, № 35, с. 6.

²³ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, вып. 2, с. 33, 35, 46, 37, 33, 41, 46.

²⁴ А. Я. Цинговатов. Белинский в сознании Блока. — В кн.: «Венок Белинскому». М., 1924, с. 222—235.

²⁵ И. Крук. Пометки А. Блока на сочинениях В. Г. Белинского. — В кн.: «Вопросы русской литературы», вып. 1. Львов, 1966, с. 21—27.

²⁶ Иванов-Разумник. Указ. соч., с. 64.

²⁷ «История русской литературы XIX в.», т. 3, с. 387, 379, 460.

²⁸ Там же, т. 4, с. 356—357, 349.